Воспоминанія 50-хъ годовъ.

Памяти отца.

I.

Родилась я отъ умныхъ, добрыхъ, могу сказать рѣдкихъ по душѣ родителей. Мать моя—это былъ идеалъ женской нервности, мягкости. Красивая, умная, по тому времени вполнѣ образованная: она прекрасно говорила по-нѣмецки, по-англійски, по-французски, играла на фортепіано бѣгло и съ экспрессіей, много рисовала, обладая тонкостью кисти и карандаша. У меня сохранился ея портретъ карандашомъ, который она рисовала сама въ подарокъ жениху. Прекрасный бюстъ ея и весь обликъ увѣковѣчилъ въ статуѣ у сената (богиня правосудія) намъ извѣстный скульпторъ Пименовъ. Его семейство состояло въ дальнемъ родствѣ съ семьей Б., и въ первой молодости онъ былъ страстно влюбленъ въ Eudoxie Б., мою дорогую мать, но взаимностью не пользовался. Нравился ей другой, молодой морякъ; отецъ, котораго она боготворила, не пожелалъ этого брака, и она покорилась.

Родители мои сошлись по взаимному уваженію, по желанію своихъ родителей—и хотя оба были нудные люди, жили дружно между собою, но не думаю, чтобы союзъ ихъ принадлежалъ къ числу счастливыхъ. Ни тотъ, ни другой не сдѣлали несчастными другъ друга, но по воспитанію и развитію, отецъ мой во многомъ уступалъ матери; ей приходилось, такъ сказать, спускаться къ нему. И она это дѣлала со всею своею женскою мягкостью и уваженіемъ къ доброму мужу и отцу семейства. Хорошо было мое дѣтство подъ

покровомъ этихъ дорогихъ людей. До пяти лѣтъ, правда, колотила меня наемная нянька въ отсутствіе матери, но когда это открылось, ее прогнали. Все же, думаю, это наложило на мой характеръ нѣкотораго рода застѣнчивость и сосредоточенность.

Дѣтство! о чудная дивная пора, гдѣ все было улыбка, свѣтъ и радость! И единственная спокойно безмятежная эпоха моей жизни... Почти у всѣхъ дѣтство оставляетъ лучшее воспоминаніе, но такое лучезарное, какъ мое... многимъ ли оно выпало на долю! Словно волшебно развертывающіяся картины встаетъ оно передо мною!

Жили мы, дѣти, такою полною и чисто дѣтскою жизнью. Жизнь взрослыхъ была намъ неизвѣстна и чужда. Мы удалены были отъ всѣхъ дрязгъ, заботъ, тревогъ, несогласій взрослыхъ людей. Ореолъ чистоты и невинности окружалъ наши безпечные годы. До смерти матери, почти до 14-ти лѣтъ не знала я практической жизни, съ ея неприглядной стороны. Міръ любви и правды царилъ въ нашей семьѣ.

II.

Умерла моя чудная мать, а съ нею и радость нашего незабвеннаго дѣтства. Меня и сестру, старшихъ въ семьѣ, отдали въ институтъ. Братьевъ и младшую сестру на воспитаніе въ нѣмецкій домъ. Отецъ служилъ чиновникомъ особыхъ порученій при департаментѣ корабельныхъ лѣсовъ, потому долженъ былъ находиться въ постоянныхъ разъѣздахъ.

Сколько слезъ пролила я въ новой, чуждой для меня обстановкѣ, вспоминая мать и свѣтлую жизнь дома. Но время взяло свое, и я привыкла.

Рваться домой... но вѣдь дома у меня не было. И я полюбила свой классъ, своихъ подругъ, свой милый институтъ. То была пора, когда насъ никуда не пускали. Во все время моего четырехлѣтняго пребыванія въ стѣнахъ дорогого мнѣ заведенія помню два событія: Первое, это путешествіе наше, т. е. всего института въ Таврическій садъ для лѣтней прогулки. Шли мы со Знаменской улицы стройными рядами подъ предводительствомъ классныхъ дамъ. Впереди шествія выступалъ нашъ швейцаръ съ булавою, а позади всего отряда институтокъ ѣхала карета съ докторомъ, фельдшеромъ и необходимою аптекою на всякій случай. Смотрѣть по сторонамъ мы не смѣли, да и трудно это было въ нашихъ бѣлыхъ туго накрахмаленныхъ коленкоровыхъ шляпкахъ-кибиткахъ.

Вышли мы въ походъ часовъ въ 5 но полудни, погуляли парами въ тѣнистомъ саду, закусили пирожками и чаемъ въ дворцовыхъ

комнатахъ и также чинно и торжественно со швейцаромъ во главѣ вернулись къ 9 часамъ въ наше мирное убѣжище.

Ни на какія каникулы насъ не отпускали. Вмѣсто уроковъ съ іюня до половины августа мы занимались шитьемъ бѣлья для нашего института и вышиваньемъ гладью въ пялцахъ подъ руководствомъ рукодѣльной дамы въ особо устроенномъ рукодѣльномъ классѣ. Бѣлье мы шили въ саду, въ большомъ славномъ саду внутри зданія, обнесенномъ каменными стѣнами. Каждый классъ имѣлъ свое отдѣленіе въ длинной, длинной галлереѣ. Обѣдали въ другой галлереѣ, тоже въ саду около дома. Послѣобѣденную рекреацію проводили въ играхъ въ серсо, въ бѣганьи на гигантскихъ шагахъ. И такъ съ утра до ночи всѣ каникулы. Раздавались намъ и книги для чтенія по желанію.

Вторымъ происшествіемъ, вызвавшимъ насъ изъ стѣнъ института, была поѣздка въ крѣпость для прощанія со въ Бозѣ почившимъ Императоромъ нашимъ Николаемъ Павловичемъ. Какъ потрясла насъ эта кончина! сколько слезъ было пролито, когда мы шили наши траурные передники, какъ прерывались рыданіями совершаемыя ежедневно между уроками панихиды. А между тѣмъ далеко не всѣ видѣли своего Государя, такъ какъ онъ не часто посѣщалъ институты. Но институтки всегда относились съ любовью и довѣріемъ къ Царской Семьѣ; Императрица и Великія Княгини такъ добры и ласковы были къ намъ при своихъ посѣщеніяхъ. Я особенно *обожала* (по институтскому выраженію) Цесаревну, ставшую Императрицей, Марію Александровну. Помню, какъ по выходѣ изъ института, сестра моя, оставшаяся пепиньеркой, прислала мнѣ въ деревню большой бѣлый круглый пакетъ. Развертывая его, я забросала листами бумаги всю свою комнату и обрѣла наконецъ маленькую шелковую черную пуговку отъ платья Государыни, которую она потеряла при своемъ посѣщеніи института. Я долго хранила эту пуговицу, даръ вниманія ко мнѣ моихъ милыхъ подругъ.

Вышли мы изъ института почти наканунѣ Рождества въ годъ кончины Государя, тогда севастопольская война еще не окончилась и въ пылу патріотизма дали другъ другу обѣщаніе не покупать ничего англійскаго или французскаго. По выѣздѣ изъ института почти каждая изъ насъ первымъ дѣломъ посѣщала съ родными Казанскій Соборъ. При разставаніи мы, разумѣется, горько плакали, а когда черезъ часъ послѣ прощанья встрѣтилась я въ Соборѣ съ своей любимой подругой, мы бросились въ объятія другъ друга, словно не видѣлись много лѣтъ и такъ шумно выражали свою радость, что роднымъ пришлось остановить нашъ пылкій восторгъ.

Да, свѣтлую память оставилъ институтъ въ нашихъ сердцахъ. Ограждены мы были въ немъ отъ всего злого и дурного, отъ всякихъ порочныхъ вѣяній, изсушающихъ молодыя души въ самомъ ихъ расцвѣтѣ.

Часъ пробилъ, пора разстаться.
Въ міръ заботъ пора идти,
Гдѣ со счастьемъ повстрѣчаться
Рѣдкій можетъ на пути.
Здѣсь безпечно имъ играли
Въ тѣсномъ мы кругу своемъ,
Ни заботъ, ни нуждъ не знали
Въ семъ убѣжищѣ святомъ.

Правду говоритъ эта прощальная выпускная пѣснь институтокъ. Чистыми сердцемъ, съ любовью къ ближнимъ и свѣтлымъ взглядомъ на жизнь выходили мы изъ стѣнъ своего убѣжища. Напрасно прогрессивные люди такъ уничтожали замкнутое воспитаніе и насмѣхались надъ наивностью институтокъ. Умныя изъ насъ быстро осваивались съ жизнью, а если глупенькія и жантильничали сначала своей наивностью, то не велика въ этомъ бѣда. Неужели лучше съ самой ранней молодости знать пошлость и грязь жизни.

III.

Черезъ двѣ недѣли послѣ выпуска отецъ увезъ меня въ деревню, за 200 верстъ отъ Петербурга, въ большомъ возкѣ, который мы съ сестрой прозвали Ноевымъ Ковчегомъ. Отецъ вышелъ въ отставку за годъ до нашего выпуска и поселился въ своемъ имѣніи, гдѣ до сихъ поръ не жилъ. Я знала деревню только лѣтомъ, когда мы съ матерью проводили въ ней не болѣе двухъ—трехъ мѣсяцевъ, какъ на дачѣ. И показалась она мнѣ новою и странною зимою. Когда послѣ почтовыхъ станцій по шоссе впрягли въ нашъ возокъ собственныхъ лошадей *гуськомъ* для слѣдованія по проселочной дорогѣ послѣднихъ 40 верстъ, я не могла безъ смѣха смотрѣть на эту ѣзду: цѣлыхъ три лошади одна за другой, а не въ рядъ! При поворотѣ случалось, что передняя морда и въ окно нашего Ноева Ковчега заглядывала.

Ну вотъ, наконецъ, въѣхали мы на большой весь покрытый снѣгомъ барскій дворъ. Масса слугъ и знакомыхъ, и незнакомыхъ мнѣ ожидала насъ на парадномъ подъѣздѣ. Всѣ привѣтливо кланялись и подходили къ рукѣ, приговаривая: „здравствуйте, матушка-ба-

рышня!“ что меня немного конфузило по непривычкѣ къ такому почтенію. Хозяйкой вступала я въ домъ, какъ старшая дочь.

Увидѣла я тутъ старушку въ сарафанѣ и повойникѣ. „Это моя кормилица“, сказалъ мнѣ папенька, когда она смиренно мнѣ кланялась. Я поцѣловала ее, сказавъ: „здравствуй, бабушка!“ что видимо произвело на нее и на отца моего хорошее впечатлѣніе. Онъ еще въ дорогѣ сказалъ мнѣ: „не знаю, понравится ли тебѣ, что моя старуха живетъ у насъ въ домѣ и вмѣстѣ пьетъ чай. Она говоритъ „захочетъ ли этого барышня“.

И сдружилась я съ этой бабушкой. Приходила она ко мнѣ въ комнату со своей прялкой, разсказывала про домовыхъ, лѣсовиковъ и лѣшихъ; а я поддразнивала ее, говоря, что, гуляя, встрѣтила того или другого, что они сватались за меня. Или шутила, что она не моя бабушка. „Молчи, дитя!“ грозила она мнѣ, качая старой головой: „я твоего отца кормила, я твоя бабушка“.

Какой это чудный человѣкъ былъ мой отецъ.

Былъ 55 годъ, и крѣпостное право еще существовало. Первымъ дѣломъ его было поправить всѣхъ своихъ неисправныхъ и раззоренныхъ крестьянъ послѣ гнета много лѣтъ хозяйничавшаго безъ него управляющаго. Кому отпустилъ лѣсу на избу, кого обзавелъ скотиной и пр. Всѣхъ устроилъ и тѣмъ расположилъ къ себѣ.

Очутилась я въ какомъ-то патріархальномъ мірѣ тишины и спокойствія, и потекла моя молодая жизнь скучно и однообразно.

Я старалась держать себя на высотѣ своего положенія, какъ хозяйка дома и наставница моей 10 лѣтней сестры, которую готовила къ поступленію въ институтъ. Но не всегда это мнѣ удавалось въ мои 18 лѣтъ. Бывало, дѣлаешь какое-либо распоряженіе, а женщина, жившая еще при маменькѣ и знакомая мнѣ съ дѣтства, возразитъ: „вотъ что, барышня; вы еще глупы, молоды, при маменькѣ не такъ было“.

И я соглашаюсь съ нею, потому что то, что было при маменькѣ, для меня неопровержимый аргументъ.

Выйду изъ своей комнаты утромъ совсѣмъ одѣтая и причесанная и скажу горничной: „убери у меня, Прасковья“. Идетъ Прасковья мести мою спальню. Наконецъ она не выдерживаетъ. „Барышня! позвольте вамъ сказать“, обращается она къ своей госпожѣ. „Вы нехорошо поступаете. Вѣдь стыдно барышнѣ самой одѣваться и все себѣ дѣлать. Что скажутъ сосѣди, матушка, когда узнаютъ!“

— Да вѣдь я такъ привыкла въ институтѣ. Мы всегда все сами себѣ дѣлали.

— Не знаю, матушка, а это не дѣло, когда у васъ есть горничная,—учитъ меня съ дѣтства служившая намъ Прасковья.

— Да помнишь, вѣдь и маменька не позволяла намъ одѣваться иначе, какъ самимъ.

— Вы были тогда маленькія,—возражаетъ упорная камеристка, сосѣднія барышни ничего сами себѣ не дѣлаютъ.

Наконецъ я весело расхохоталась.

— Да не хочу такъ, какъ онѣ. Вотъ мы ночевали въ гостяхъ и я видѣла, что ихъ служанка одѣваетъ, какъ куколъ или безрукихъ.

— Ну, воля ваша!—не то недоумѣвая, не то соглашаясь, возражаетъ добрая любящая Прасковья.

А иной разъ въ большомъ пустомъ залѣ вожусь я съ Каро, лягавой собакой; вскочивъ на стулъ, учу его ловить подачку, и неожиданно войдетъ слуга за какимъ-либо распоряженіемъ. Я быстро дѣлаюсь важной и степенной хозяйкой, а добрый слуга дѣлаетъ видъ, что не замѣчаетъ моего смущенія, и отвѣчаетъ: „слушаюсъ“ на мое приказаніе. Хорошіе, милые были наши крѣпостные.

IV.

Познакомилъ меня папенька съ сосѣдями. Такіе это были старосвѣтскіе, простые и добрые люди, жили, не мудрствуя лукаво. Ко мнѣ отнеслись съ уваженіемъ, какъ къ образованной петербургской барышнѣ. Никакихъ вопросовъ, ни мужскихъ, ни женскихъ у насъ не существовало.

Да и я, которая жаждала дѣятельности на пользу ближнимъ, выходя изъ института, принесла пользу только сестрѣ, устроивъ съ нею правильныя классныя занятія, да еще по примѣру отца имѣвшаго аптеку, принялась лѣчить крестьянъ, такъ какъ о докторахъ у насъ въ ту пору и рѣчи не было. Приводили и приносили ко мнѣ дѣтей. Справляясь съ лѣчебникомъ, я давала имъ лѣкарства и совѣты, радуясь, что дѣло идетъ успѣшно. Этимъ неиспорченнымъ натурамъ помогали самыя простыя средства; матери моихъ выздоровѣвшихъ паціентовъ приносили мнѣ въ знакъ благодарности яичекъ, огурчиковъ, грибковъ.

Вотъ какъ-то папенька пришелъ ко мнѣ и съ улыбкой объявилъ, что меня именно желаетъ видѣть больной изъ очень далекой отъ насъ чужой деревни. „Наслышанъ, что дочка твоя горазда лѣчить“, говоритъ. Съ пріятнымъ сознаніемъ своего успѣха на пользу бѣдующихъ выхожу къ мужику лѣтъ 40. Онъ начинаетъ описывать мнѣ свой недугъ до того мнѣ непонятный, что передаю его на пользованіе папенькѣ.

V.

Къ концу лѣта привезъ папенька изъ института сестру.

Наступила осень, а съ нею обычные зимніе порядки и крестьянскія свадьбы. Вотъ вызываетъ насъ Прасковья въ дѣвичью. Не успѣли мы войти, какъ падаетъ къ намъ въ ноги молодая здоровая крестьянка.

— Барышни, спасите! замужъ насильно отдаютъ.

— Ты не хочешь замужъ? или хочешь за кого другого?

Она мнется и не рѣшается сказать.

— Можетъ, ты любишь кого?

— Да, любъ мнѣ Ѳедоръ.

— Такъ отчего же не за него?

— Староста назначилъ.

Мы къ отцу. „Папенька, что же это у васъ дѣлается? Насильно хотятъ вѣнчать дѣвушку".

Засуетился папенька, призвалъ старосту.

— Иванъ, что же это значитъ? вѣдь я говорилъ тебѣ никого не принуждать.

— Да что съ ними подѣлаешь, Миронъ Михайловичъ! Она хочетъ за бѣднаго, а родители не позволяютъ, хотятъ за богатаго.

Но мы отстояли Варвару. Предоставили ей „красоваться", какъ это водилось у нихъ наканунѣ свадьбы, въ нашемъ залѣ и подарили ей необходимое зеркальце. Прасковья сказала намъ, что вся деревня на Варвару смѣется: сама себѣ мужа высватала.

Мы съ сестрой жили своею жизнью словно въ терему. Всегда однѣ, да изрѣдка навѣщали патріархально-мирныхъ сосѣдей и они насъ также. Не разъ приходилось мнѣ въ разговорахъ съ ними невпопадъ отвѣчать на ихъ хозяйскіе вопросы, какъ старшей, мнѣ выпало на долю держать себя положительнѣе своихъ лѣтъ. Я больше говорила съ барынями, а сестра съ барышнями. Тальки, холсты, сколько напрядено, наткано, сборъ ягодъ, грибовъ по воскресеньямъ—всѣ эти отрасли женскаго хозяйства мы уничтожили.

Какъ-то приходитъ къ намъ молодая женщина и слезно проситъ отпустить ее домой, потому что у нея боленъ ребенокъ. Оказывается, что она работаетъ въ ткацкой; а Домна Степановна, управительница, ее не пускаетъ. Сейчасъ же послѣдовало отъ насъ распоряженіе черезъ нашего министра Прасковью, чтобы ни минуты не задерживать бѣдную мать на нашей работѣ. А мы опять къ папенькѣ. Какъ можно такое варварство! Богъ съ ними съ холстами.

— Я и самъ думалъ, друзья мои, уничтожить ткацкую, если вы согласны на это.—Ну, конечно, мы не только согласны, мы не желаемъ ткацкой.

— Вотъ такъ хозяйки петербургскія пріѣхали! давай все уничтожать,—посмѣивались наши сосѣдки. И на отца сосѣди немного косились за его льготы по *барщинѣ*.—Балуетъ народъ, говорили окрестные помѣщики, люди далеко не злые. Не нравилось имъ, что по окончаніи полевыхъ работъ устраивался у насъ обѣдъ на бѣломъ дворѣ. Разставлялись столы на доскахъ; щи, пироги, каши, селедки и пр. деревенскія кушанья обильно разставлялись на нихъ, домашнее пиво, иной разъ и медъ. Пьянства отецъ не терпѣлъ и самъ никогда не употреблялъ спиртныхъ напитковъ. Все же передъ обѣдомъ давалось желающимъ по чаркѣ водки и больше ни-ни.

Когда бывало жниво, мы отправлялись съ цѣлыми корзинами сочной спѣлой малины изъ нашего прекраснаго плодоваго сада и угощали ею разгоряченныхъ женщинъ.

Въ Свѣтло Христово воскресенье у насъ, заѣзжая изъ церкви, разговлялись сосѣди. Послѣ нихъ приходили христосоваться крестьяне. Я, какъ старшая хозяйка, не мало бородъ, бывало, перецѣлую. Глубоко вѣруя въ Христа Искупителя, съ радостнымъ сердцемъ исполняла я этотъ обрядъ общенія любви съ ближними. А папенька былъ доволенъ. Истинно религіозный человѣкъ, онъ не держался узкаго показного благочестія, но былъ того мнѣнія, что господа обязаны своимъ поведеніемъ служить примѣромъ для подвластныхъ.

Сколько любви, тепла и мягкости было въ этой свѣтлой душѣ! Всѣ его любили и шли къ нему безъ малѣйшаго страха передъ бариномъ, кто за совѣтомъ, кто съ жалобой. Просто, сердечно вразумлялъ и наставлялъ онъ крестьянъ. „Мой другъ“, говорилъ каждому. А какъ хорошо относился къ старухѣ-кормилицѣ! Вечерній чай она всегда пила съ нами, а по окончаніи вставала и крестилась на образъ. Мы съ сестрой шаловливо прислушивались, какъ она благодаритъ Господа, что накормилъ ее „сахарнымъ кусомъ“.

Въ залѣ у насъ теплилась лампадка передъ кіотомъ съ образами, а подъ нимъ стояли растенія въ кадкахъ. „Можетъ, тебѣ это не нравится“, сказалъ мнѣ папенька; „можно иначе устроить“. Полная религіознаго чувства послѣ институтской жизни, гдѣ мы и пѣли и сами читали въ церкви, я, конечно, съ удовольствіемъ принялась ходить за растеніями и зажигать лампадку. По вечерамъ, стоя на колѣняхъ и осѣняя себя широкимъ крестомъ, молилась тутъ старая кормилица. Къ слугамъ папенька относился крайне внимательно. Послѣ 9 часовъ вечера онъ никогда не позволялъ намъ требовать чего-либо изъ амшеника или погреба, особенно въ темныя или хо-

лодныя ночи. Заранѣе слѣдовало позаботиться о вечерней закускѣ. На свои отношенія къ подвластнымъ онъ смотрѣлъ, какъ на священный долгъ.

Много простого, чистаго, яснаго было въ нашей жизни. И полное довольство, отсутствіе всякихъ недостатковъ. Но мы скучали и томились, желали веселья и смѣха, общенія съ людьми вмѣсто нашего мирнаго, замкнутаго, одинокаго существованія въ деревнѣ. Просили отца переѣхать въ Петербургъ.

— Нельзя, друзья мои, средствъ не хватитъ, я не служу теперь.

Да онъ и самъ, привычный къ дѣятельной служебной жизни, къ разъѣздамъ, тяготился, я думаю, иной разъ все сидѣть въ деревнѣ. Помню, какъ оживлялся нашъ папенька, когда пріѣзжали братья изъ корпуса на Рождество или Святую. Суетится, хлопочетъ, лошадей высылаетъ. И вотъ въ одну такую суетню, когда онъ распоряжался, снаряжалъ кучера и экипажъ, спрашиваетъ насъ старуха, что такое случилось?

— Да вѣдь ты говорила, бабушка, что небо расшанется, вотъ папенька и хлопочетъ.

— Миронъ Михайловичъ! вправду небо-то скоро расшанется?

— Что?—спрашиваетъ ее всегда внимательный къ ней отецъ.

— Небо расшанется, такъ вотъ ты хлопочешь.

— Иди, иди, не мѣшай.

А мы заливаемся хохочемъ надъ своей шалостью.

Каждую зиму мы ѣздили на короткое время въ Петербургъ, гдѣ жили съ бабушкой наши тетки, сестры маменьки. Повеселимся, побываемъ въ театрахъ, нашьемъ себѣ костюмовъ, купимъ изящную обувь, перчатки, запасемся разными ситцами на платья дворовымъ и со слезами возвращаемся восвояси. Были разъ въ губернскомъ городѣ по случаю выборовъ и на балахъ въ дворянскомъ собраніи. Но тутъ лучше всего намъ нравилось кататься въ нашихъ троичныхъ саняхъ и заѣзжать въ фруктовые магазины для закупки всевозможныхъ гостинцевъ. Ходили съ папенькой въ церковный соборъ. Идемъ однажды отъ всенощной и недалеко отъ дома встрѣчаемъ нашего второго кучера Ивана съ городскими санями.

— Ты куда?—спрашиваетъ отецъ.

— А вотъ думалъ барышнямъ подслуговаться: взялъ да и запрегъ Сѣрко.

— Ну, сворачивай назадъ.

Иванъ, повернувъ сани, угодилъ прямо на тротуаръ; лошадь ткнулась въ заборъ дома, а возница нашъ медленно опустился изъ опрокинувшихся саней.

— Дурень, куда ты?

— А вотъ ужо вылѣзу, Мееронъ Михалычъ,—равнодушно отвѣчаетъ дурень.

Смѣху-то что намъ доставилъ, благо горячая лошадь не понесла, что не разъ случалось съ нашимъ Иваномъ.

VI.

Вскорѣ распространилась вѣсть о возможности уничтоженія крѣпостного права, о *волѣ*. Помѣщики, разговаривая объ этомъ предметѣ и ожидаемыхъ осложненіяхъ, крѣпко запирали двери, чтобы подвластные имъ не подслушали чего. Навострила уши и я. Если объявятъ волю, мы переѣдемъ въ Петербургъ, и все будетъ такъ же хорошо, какъ было при маменькѣ, думала я съ затаенной радостью. Я нисколько не заботилась объ осторожной скрытности съ людьми и въ одно изъ отсутствій папеньки въ городъ, расхаживая въ воскресенье по бѣлому двору и завидя идущаго изъ церкви нашего главнаго кучера, закричала: „что, Яковъ, не читали ли въ церкви о *волѣ*?“

— Ничего не слышалъ, барышня!—отвѣтилъ онъ съ улыбкой.

Чего мнѣ было опасаться нашихъ дворовыхъ и крестьянъ! Они насъ любили и мы ихъ также, и они вовсе не думали о волѣ, даже не желали ея. Что еще тамъ будетъ, говорили они, а теперь намъ хорошо живется.

Почему папенька такъ любилъ крестьянъ? При его доброй, совсѣмъ не эгоистичной натурѣ, искра этой любви и сочувствія угнетенныхъ, мнѣ кажется, загорѣлась въ немъ съ дѣтства.

Онъ и два брата его росли сиротами подъ властью отчима. Мать его вдова влюбилась въ полкового доктора, вышла за него замужъ и предоставила дѣтей и все ихъ имѣніе въ полное распоряженіе этого человѣка. Не мало наслышались мы отъ старыхъ слугъ о жестокостяхъ того времени. Сынъ дьякона, ставшій дворяниномъ, забралъ обожавшую его жену въ свои властныя руки. Заброшены были бѣдные мальчики и росли на рукахъ дворовыхъ. Не разъ говаривалъ папенька, когда братья мои прихотничали надъ кушаньями: „а я съ братьями, бывало, радъ былъ, если дворовые дарили намъ бѣлую булку“. Жили они среди крѣпостныхъ, эти малолѣтніе владѣльцы хорошаго имѣнія, а достаткомъ ихъ пользовался опекунъ со своей семьей и устраивалъ свое благосостояніе на ихъ счетъ, затѣмъ отвезъ ихъ въ корпусъ и предоставилъ судьбѣ.

Отецъ женился 30 лѣтъ. До брака отчимъ все держалъ въ рукахъ и, передавая имѣніе законнымъ наслѣдникамъ, затребовалъ

черезъ жену большой кушъ съ доходовъ. За отказъ возбудилъ противъ нихъ дѣло въ судѣ, которое длилось всю супружескую жизнь моего отца, налагая на нее мрачную тѣнь. Вызывался отецъ на личную ставку съ матерью, чего онъ уже не могъ выдержать. Хорошо, что одинъ изъ его братьевъ, холостой, полный негодованія, замѣнялъ его. Мало было отчиму устроить себѣ и своимъ дѣтямъ небольшую усадьбу, которую крестьяне втихомолку называли маленькимъ „Воронино", по имени нашего имѣнія, онъ еще хотѣлъ получать съ нихъ извѣстную дань.

Помню, какъ мрачное пятно на своемъ свѣтломъ дѣтствѣ горе моего отца; какъ ни старались наши родители все скрыть отъ насъ, мы съ сестрой многое видѣли и понимали. Отецъ лишенъ былъ чиновъ и всякихъ наградъ во всю свою честную, безкорыстную службу, потому что шло въ судѣ его дѣло съ матерью. Были минуты, что онъ предавался отчаянію. Ходитъ по комнатѣ, никого не замѣчая: „я въ тюрьмѣ, жена, дѣти нищіе". А милая, нѣжная, любящая моя мать старается его успокоить. О, сколько перестрадала и она подъ этимъ гнетомъ! Никогда не слышала я слова упрека изъ устъ отца; онъ почиталъ свою мать, несмотря на преслѣдованія отчима. Все дѣло кончилось въ пользу папеньки и его братьевъ, когда мы уже были въ институтѣ.

Но вотъ приблизился знаменитый 61 годъ. Эту зиму отецъ, съѣздивъ съ нами въ Петербургъ, оставилъ насъ у знакомыхъ дамъ нѣмокъ, гдѣ воспитывались до корпуса братья, а самъ уѣхалъ въ деревню. Въ воздухѣ носилось ожиданіе чего-то необыденнаго. Впервые столкнулась я съ такъ называемою передовою молодежью, чающей эмансипаціи.

Вначалѣ марта папенька пріѣхалъ за нами. 5 марта взялъ онъ меня съ собою къ родственникамъ для прощальнаго визита. Насъ встрѣтилъ мой кузенъ, горячій *передовой* юноша, Коля Анненскій.

— Поздравляю Васъ! у Васъ нѣтъ болѣе крѣпостныхъ,—былъ его радостный привѣтъ.

Узнавъ о прочтеніи манифеста, папенька поспѣшилъ уѣхать для скорѣйшихъ сборовъ въ деревню и вечеромъ того же дня укатилъ одинъ въ имѣніе.

Мы съ сестрой вооружились манифестомъ, и, призвавъ нашу вѣрную Прасковью, проживавшую съ нами въ Петербургѣ, прочитала я ей великія слова: Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ! при чемъ перекрестились и мы, и она по нашему примѣру. Обѣ мы были въ приподнято радостномъ настроеніи. Отчетливо и ясно произносила я каждое слово царскаго манифеста. Кончила.—Стоптъ Прасковья неподвижно.

— Поздравляемъ тебя съ свободой! ты больше не крѣпостная.

Заморгала, заморгала наша Прасковья и бухъ намъ въ ноги.

— Матушки, барышни! не оставьте меня сироту, не прогоните. Куда я пойду, завопила она.

Удивленныя ея горемъ, мы давай ей втолковывать, какъ важно для каждаго человѣка сознаніе личной свободы. Ничего она не понимала и успокоилась только тогда, когда увѣрилась въ нашемъ желаніи жить съ нею по-прежнему. Тутъ она стала насъ разспрашивать, что будетъ съ крестьянами. У ней въ деревнѣ жила семья дяди, горячо ею любимаго, у котораго она выросла. Почтенный человѣкъ былъ этотъ Илья. Папенька любилъ съ нимъ бесѣдовать и въ наше отсутствіе часто приглашалъ его на совмѣстное чаепитіе.

Какъ же было не любить намъ этихъ милыхъ, преданныхъ намъ людей! Но мы скучали въ деревнѣ среди нихъ. Хотѣлось общества болѣе равныхъ по воспитанію и понятіямъ.

Помѣщики-дворяне не скоро освоились съ новымъ положеніемъ вещей. Люди средняго состоянія, какъ мой отецъ, конечно должны были сжаться при невѣдомомъ будущемъ, а мелкопомѣстные, какъ большинство нашихъ сосѣдей, и совсѣмъ съежились. Богатые мало потерпѣли.

Пошли переговоры съ крестьянами по поводу надѣловъ. Пріѣзжалъ для этого посредникъ. Кстати сказать, въ нашемъ уѣздѣ выбранъ былъ сынъ предводителя дворянства, человѣкъ дѣльный, любившій и понимавшій народъ, А. П. Рыкачевъ. Вчерашніе Ваньки, Гришки, Степки и пр. стали Иванъ, Григорій, Степанъ. У папеньки дѣло шло успѣшно, и при хорошихъ надѣлахъ крестьяне добровольно пошли на выкупъ; а послѣ смерти его купили все наше имѣнье міромъ съ большой разсрочкой отъ моихъ братьевъ, не пожелавшихъ хозяйничать. Папенька надѣлилъ землею и всѣхъ дворовыхъ. По манифесту они освобождались безъ земли, потому что всѣ знали разныя ремесла. Умирая, почти передъ самой кончиной онъ сказалъ братьямъ: „не забудьте, что я не успѣлъ надѣлить Ивана“.

Ушла изъ міра эта прекрасная благородная душа, не оцѣненная многими, но до сихъ поръ сказаніе о добромъ баринѣ-помѣщикѣ живетъ въ томъ небольшомъ уголку, гдѣ пришлось ему дѣйствовать. Всего три года прожилъ онъ по освобожденіи. Огорченія и заботы сократили его полезную жизнь. Я вышла замужъ не по его желанію за студента безъ имени и средствъ, что вынудило его озаботиться о своей старшей дочери, надѣлить ее средствами. Младшій сынъ не хотѣлъ кончать корпуса, требуя университета. Избалованный юноша не понималъ положенія отца и корилъ его въ отсталости. Все пало

на бѣднаго папеньку, но ни слова упрека, ни слова жалобы никто не слышалъ отъ него, всегда думавшаго о другихъ, всегда забывавшаго о себѣ. Близкіе его до того привыкли къ отсутствію въ немъ эгоизма, что никогда не думали ни объ удобствахъ, ни объ огорченіяхъ его, а послѣднія особенно отзывались на его здоровьѣ.

Остался онъ одинокъ въ своей усадьбѣ. Сестра моя тоже вышла замужъ за сосѣда-помѣщика, младшая сестра училась въ Петербургѣ, братья жили тамъ же. Заперся онъ въ своемъ домѣ, словно въ кельѣ, отапливая только двѣ необходимыя ему комнаты. Экономилъ на себѣ елико возможно для дѣтей. Долговъ на имѣніи у него не было; на службѣ онъ считался *чудакомъ*, что не пользовался *безгрѣшными* доходами.

Сколько тяжелаго, мучительнаго пережило его бѣдное сердце въ этомъ одиночествѣ! Даже любимую гитару, на которой онъ, бывало, любилъ наигрывать полонезъ Огинскаго, и ту увезъ зять, вѣдь онъ не умѣлъ отказывать въ одолженіи, умѣлъ только самъ переносить лишенія. А музыку онъ сильно любилъ и прекрасно понималъ ее, но плохое воспитаніе не развило въ немъ этой способности.

Заболѣвъ, онъ никому не сообщалъ о своемъ недугѣ. Говорилъ о нездоровьѣ въ письмахъ къ дѣтямъ, но никто изъ насъ не подозрѣвалъ опасности. Я съ семьей была въ Ковенской губерніи, гдѣ служилъ мужъ. Братья узнали о болѣзни отца черезъ одну изъ нашихъ бывшихъ служанокъ, случайно пріѣхавшую въ Петербургъ. Они поспѣшили къ нему одинъ за другимъ, но уже поздно.

Спокойно и терпѣливо переносилъ папенька свои страданія, страшныя боли въ груди. Не могъ онъ много говорить и написалъ братьямъ на клочкѣ бумаги: „благодарю Господа за прожитое, жить болѣе не желаю“. Сдѣлалъ распоряженія на счетъ похоронъ; сорокоуста по себѣ не заказалъ, но поминки велѣлъ устроить для крестьянъ и написалъ, какія должны быть кушанья по случаю рождественскаго поста; онъ умиралъ въ декабрѣ.

Никто изъ дочерей не былъ на его похоронахъ. Я была далеко, сестра болѣла и ужасно убивалась, что не могла быть при немъ въ его болѣзни. Третья дочь была въ Петербургѣ въ кори.

Лежитъ онъ на сельскомъ кладбищѣ вмѣстѣ со своимъ отцомъ.

Однажды лѣтомъ я гостила у сестры, въ 8 верстахъ отъ нашей бывшей усадьбы. Вмѣстѣ съ нею поѣхали мы въ нашу бывшую церковь. Она прошла впередъ, я стала въ народѣ. Вдругъ чувствую, чья-то жесткая рука гладитъ меня по спинѣ и голосъ говоритъ: „Это Катерина, Вѣрина сестра, добрая она“. Оглядываюсь— дочь нашей бывшей птичницы. А съ амвона при поминовеніи усопшихъ то-и-дѣло повторяется имя Мирона. Потомъ сестра объяс-

нила мнѣ, что папенька записанъ въ поминовеніи почти у всѣхъ крестьянъ. „Несмотря на отсутствіе памятника, посмотрѣла бы ты, какъ убрана березками его могила въ Троицынъ день“, сказала мнѣ Вѣра.

Памятникъ ему поставили крестьяне. Взяли они монументъ, привезенный для могилы старшаго брата нашего отца, который хранился у насъ въ сараѣ за невозможностью разыскать эту могилу на городскомъ кладбищѣ, гдѣ онъ былъ похороненъ. Сестра и братья очень затруднялись, какъ передѣлать высѣченную на камнѣ надпись; городъ далеко, и выписывать мастера трудно. Крестьяне это устроили на сумму, оставшуюся у нихъ отъ сбора на погорѣвшую церковь. Теперь уже осталось одно преданіе о нашемъ отцѣ у потомковъ современныхъ ему людей. Простые, добрые и религіозные, они были лучше смѣнившаго ихъ поколѣнія.

Е. М. Новоселова.